

ЭТНОГРАФИЯ В АКАДЕМИИ НАУК СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В первые послевоенные годы деятельность коллектива Института этнографии АН СССР характеризуется как общей активизацией, так и расширением ее рамок. Патристическое воодушевление всех народов нашей страны в годы войны привело к повышению интереса к их культурному наследию. Война усилила и интерес к зарубежным народам — как к нашим союзникам, так и к народам воевавших с нами стран. Задачи послевоенного устройства Европы поставили перед этнографами и ряд практических вопросов, связанных с изучением этнического состава населения этих стран. Включение в систему социализма ряда государств Европы и Азии, развернувшаяся в послевоенные годы освободительная борьба народов колоний и приобретение многими из них — прежде всего в Азии и Африке — национального суверенитета, вызвали повышение интереса советской общественности к этим народам. Наконец, рост международных связей СССР поставил перед советскими этнографами неотложную задачу — широко осветить быт зарубежных народов, их образ жизни, культурные традиции¹. Все это и привело к расширению проблематики этнографических исследований в Академии наук СССР². В хронологическом плане она теперь охватывает период от неолита до современности, в пространственном — все континенты мира.

Необходимость обеспечить фактическим материалом обширную исследовательскую программу настоятельно потребовала развертывания полевых работ. Уже в первые послевоенные десятилетия складывается широкая сеть экспедиций Института этнографии АН СССР (многие из них имели первоначально комплексный археолого-этнографический характер), которые в настоящее время ведут исследования в разных концах страны — от Закарпатья до Чукотки, от Туркмении до Заполярья. Важная роль в ознакомлении научной общественности с результатами работ этих экспедиций принадлежит ежегодным археолого-этнографическим сессиям Отделения истории АН СССР, на которых подводятся итоги полевых исследований за прошедший год.

Сразу же по окончании войны этнографы, работающие в Академии наук СССР, стали уделять большое внимание подготовке кадров, необходимых для развертывания этнографических исследований в союзных и автономных республиках. С этой же целью осуществлялись совместные экспедиции и публикации трудов, периодически созывались координационные совещания.

Одной из главных задач Института этнографии АН СССР в послевоенные годы стала подготовка многотомной серии «Народы мира». Возглавил эту работу С. П. Толстов. Подготовка серии, в создании которой приняло участие подавляющее большинство сотрудников Института, заняла почти два десятилетия. Она была завершена в 1966 г.³. В 13 томах

¹ Подробнее см.: С. П. Толстов, Сорок лет советской этнографии, «Советская этнография» (далее — СЭ), 1957, № 5, стр. 39—40.

² Наряду с Институтом этнографии эти исследования в послевоенные годы ведет и ряд других научных учреждений АН СССР, в частности ее филиалы. Однако данная статья ограничивается преимущественно рассмотрением деятельности головного этнографического учреждения страны — Института этнографии АН СССР, не претендуя на сколько-нибудь подробное освещение этнографической работы за его пределами.

³ См.: Серию «Народы мира. Этнографические очерки»: «Народы Африки», М., 1954; «Народы Австралии и Океании», М., 1956; «Народы Сибири», М.—Л., 1956; «На-

(18 книгах) этой серии даются подробные опирающиеся на различные источники сведения об этническом составе населения, культурно-бытовых особенностях отдельных народов, приводятся материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней. В отличие от подобных сводных работ, вышедших ранее за рубежом, в серии «Народы мира» в соответствии с общими методологическими принципами советской этнографической школы исследуется этническое и культурное развитие народов — как больших, так и малых, как высокоразвитых, так и отставших в своем развитии.

Для научной деятельности Института в послевоенное время характерно также усиление внимания к изучению современности. Работа в данном направлении была начата еще в 20—30 гг. в связи с практическими задачами переустройства отсталых в прошлом окраин страны и коллективизацией. Но к концу 30-х гг. деятельность в этом направлении почти замерла, усилия этнографов были в основном переключены на изучение архаики. Возродившись вновь в конце 40-х гг., этнографическое изучение современной культуры и быта народов нашей страны первоначально было далеко не совершенно в теоретическом отношении.

Более глубокий характер эти исследования приобрели в конце 50-х — первой половине 60-х гг. Были подготовлены и опубликованы монографии о колхозном быте русского, таджикского, латышского, киргизского и других народов нашей страны⁴.

Постепенно начали расширяться рамки исследований: была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения⁵. Развернулись и этнографические исследования семьи и семейного быта⁶.

Вместе с тем определилось своеобразие этнографического подхода к изучению современного быта — рассмотрение его сквозь призму соотношения традиций и инноваций, преемственности и обновления. И в наступившей пятилетке одна из первоочередных задач — дальнейшая разработка темы «Традиционная культура и современный быт народов СССР». Эта тема многогранна. Она предполагает изучение производственных и бытовых традиций, связанных с обрядами и обычаями; и не только подлинно народных традиций, но и негативных пережитков, а следовательно и вопросов борьбы с последними.

роды Передней Азии», М., 1957; «Народы Америки», I, II, М., 1959; «Народы Кавказа», I, М., 1960; II, М., 1962; «Народы Средней Азии и Казахстана», I, М., 1962; II, М., 1963; «Численность и расселение народов мира», М., 1962; «Народы Южной Азии (Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова)», М., 1963; «Народы Европейской части СССР», I, М., 1964; «Народы Зарубежной Европы», I, М., 1964; II, М., 1965; «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965; «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966; «Народы Европейской части СССР», II, М., 1966.

⁴ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. XXIV. М.—Л., 1954; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», ТИЭ, т. XXXVI, М., 1958; «Село Вирятино в прошлом и настоящем», ТИЭ, т. XLI, М., 1958; Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, ТИЭ, т. LIX, М., 1960; «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», ТИЭ, т. LXXVII, М., 1962; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964; «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани», М., 1967.

⁵ В. Ю. Крупянская, К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1960, № 11; В. Ю. Крупянская, М. Г. Рабинович, Этнография города и промышленного поселка, СЭ, 1964, № 4; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города, СЭ, 1964, № 5; Д. М. Коган, Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города, СЭ, 1967, № 4; «Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР», М., 1968; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, К вопросу о классификации городского населения при этнографическом изучении города, СЭ, 1970, № 2.

⁶ См.: «Аннотированная библиография работ по проблемам семьи в СССР (1957—1971)», вып. 1, 2 (отв. ред. Л. Н. Терентьева, З. А. Янкова), М., 1972.

Изучение традиционно-бытовой культуры народов СССР призвано содействовать и созданию таких типовых проектов жилищ, которые бы полнее учитывали рациональные черты местного народного зодчества, и конструированию приспособленных к местным условиям моделей одежды, и народнохозяйственному планированию, производству домашней утвари, пищевых продуктов и т. п. Этнографические исследования оказывают значительную помощь, например, в проведении языковой политики органами народного образования и в деятельности книжных издательств, в популяризации и приобщении к общесоветскому культурному достоянию лучших образцов устно-поэтического, музыкального, хореографического и изобразительного народного творчества всех народов нашей страны.

В последнее десятилетие все большее место в деятельности Института начинают занимать исследования современных этнических процессов, т. е. изменений этноса как системы. Уже в прошедшем пятилетии этой проблематике было уделено значительное внимание. Вышли в свет коллективные монографии об этнических процессах в Европе, в странах Передней Азии, Канаде и США. Находятся в производстве книги о современных этнических процессах в Южной и Юго-Восточной Азии; ведется работа над трехтомным обобщающим трудом, посвященным этническим процессам в Латинской Америке. В плане Института на пятилетие значится подготовка коллективного труда «Этнические процессы в современном мире».

Одной из важнейших задач Института в последние годы становится изучение этнических аспектов национальных процессов в СССР. Значение этой проблематики для такого многонационального государства, каким является наша страна, трудно переоценить.

За более чем полувековое существование СССР произошел невиданный расцвет социалистических наций и народностей, их тесное сближение между собой, сопровождавшееся возникновением новой исторической общности людей — советского народа. Отношения между народами нашей страны представляют собой образец межнационального сотрудничества и дружбы, однако нельзя забывать, что эти отношения сложились не стихийно, а в результате ленинской национальной политики, проводимой партией и Советским правительством, которые, руководствуясь объективными законами развития общества, стремятся создавать наиболее благоприятные условия для развития и сближения народов нашей страны. «Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи»⁷. А это в свою очередь создает необходимость в углублении исследований различных типов современных этнических процессов в СССР, их тенденций и перспектив развития, их особенностей и темпов, различных факторов, как способствующих их оптимизации, так и тормозящих отдельные аспекты развития и сближения социалистических наций.

В этой связи несомненный научный интерес представляет проводимое в последнее десятилетие в Институте этнографическое изучение (с использованием данных лингвистики и материалов переписей) происходящих в нашей стране процессов национальной консолидации — исчезновения былой обособленности и замкнутости, слияния в крупные нации отдельных родственных этнических образований, а также растворения в компактных этнических общностях небольших инонациональных групп. Следует особо отметить, что Институт в последние годы работал над специальной коллективной монографией, посвященной современным этническим процессам в СССР. В ней на обширном фактическом материа-

⁷ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 24.

ле анализируются различные аспекты этнических процессов и выявляется диалектическая взаимосвязь между развитием каждой нации и их сближением.

Опыт этнографического изучения современных национальных процессов вместе с тем показал особое значение раскрытия взаимосвязи между их этнической и социально-экономической сторонами. При этом ставится задача: с одной стороны, изучить особенности этнических изменений в различных социальных группах, с другой — выяснить своеобразие социальных изменений в различных этнических средах, у конкретных народов. В результате разворачивания этих исследований в последние годы стала складываться пограничная научная дисциплина на стыке этнографии и конкретной социологии — этносоциология. Наряду с анализом общих данных об экономическом, социально-классовом и культурном развитии республик и рассмотрением их взаимодействия, этносоциология предполагает также выяснение хода этнических процессов в различных социальных и национальных группах в отдельных республиках и того, как преломляются те или иные этнические факторы в сознании этих групп. Все это требует проведения специальных массовых анкетных, обследований с последующей обработкой их материалов на ЭВМ.

Одним из первых шагов в данном направлении явились исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в Татарской АССР. Предварительные результаты этих исследований уже освещены в ряде статей⁸, а в 1973 г. Институтом выпущена монография «Социальное и национальное», подводящая общие итоги исследований в Татарии. На текущее пятилетие планируется осуществление аналогичных исследований в более широких масштабах с целью углубления наших представлений об этнических аспектах процессов развития и сближения наций в СССР. В рамках этой общей программы в 1971 г. проводились совместные этносоциальные исследования московских и кишиневских специалистов в Молдавии; летом 1972 г. такого же рода исследования московские этнографы проводили в Грузии при активном участии тбилисских этнографов и социологов. Намечаются подобные исследования в Прибалтике и Средней Азии.

Наряду с изучением современности в послевоенной деятельности советских этнографов одно из центральных мест заняли историко-этнографические исследования. Это направление охватывает широкий комплекс проблем.

В его рамках, в частности, особое место занимают проблемы этнической истории, в первую очередь этногенез. Интерес к этногенезу во многом обусловлен желанием каждого народа иметь ясное представление о своем происхождении. Необходимость тщательного изучения проблем этногенеза диктуется и тем, что обыденное сознание нередко склонно трактовать их упрощенно, односторонне. Иногда тенденциозность в трактовке этногенеза проникает и в специальные исследования.

В целом следует иметь в виду чрезвычайную сложность этих вопросов, необходимость их комплексного изучения. Немалую роль в данном отношении сыграли проводившиеся Институтом этнографии АН СССР в первые послевоенные десятилетия комплексные экспедиции в различных регионах страны, а также специальные научные сессии с участием ученых, занимающихся смежными дисциплинами. Все это дало замет-

⁸ См.: Ю. В. Арутюнян, Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР), СЭ, 1968, № 4; Э. К. Васильева, Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 году (по материалам социологического исследования), СЭ, 1968; № 5; О. И. Шкаратан, Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР (по материалам социологического исследования), СЭ, 1970, № 3; Л. М. Дробижева, Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР), СЭ, 1971, № 3.

ные плоды при решении конкретных вопросов происхождения отдельных народов⁹.

Современные представления о происхождении многих народов Советского Союза, несомненно, в значительно большей степени соответствуют исторической реальности, чем те, что существовали два-три десятилетия назад. Но, разумеется, изучение проблем этногенеза далеко не исчерпано, тем более, что в распоряжение исследователей поступают все новые и новые материалы.

Советские этнографы занимались и вопросами происхождения зарубежных народов, особенно народов Америки, Азии, Австралии и Океании¹⁰.

Значительное место в деятельности наших этнографов заняло в послевоенные годы изучение традиционной культуры. И это не случайно: она долгое время являлась основным носителем этнической специфики. Ее изучение приобретает тем большее значение, что в наши дни во всем мире многие виды традиционной культуры быстро исчезают из повседневной жизни. Особенно это относится к материальной культуре. Именно поэтому за послевоенные годы появилось большое число специальных исследований по истории сельскохозяйственной техники, поселений, жилища, одежды, пищи; исследований, касающихся многих, если не всех, народов СССР¹¹, а также и ряда зарубежных народов¹². Одной из важнейших форм фиксации традиционных компонентов материальной культуры стали в послевоенные годы историко-этнографические атласы. В

⁹ С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, СЭ, 1949, № 3; «Балтийский этнографический сборник», ТИЭ, т. XXXII, М., 1956; «Вопросы этнической истории народов Прибалтики (по данным археологии, этнографии и антропологии)», «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959; «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I—IV, М., 1952—1959; «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I—IV, М., 1956—1960; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, ТИЭ, т. XXXVI, 1958; «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. I, М.—Л., 1960, т. II, М., 1966; Б. О. Долгих, Происхождение долган, «Сибирский этнографический сборник», V, ТИЭ, т. 84, М., 1963; И. С. Гурвич, Этническая история Северо-Востока Сибири, ТИЭ, т. 89, М., 1963; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев, Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник), М., 1969; С. И. Вайнштейн, Историческая этнография тувинцев, М., 1972.

¹⁰ В. В. Бунак, С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, ТИЭ, т. XVI, М., 1951; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, Там же; Д. А. Ольдерогге, Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко), СЭ, 1952, № 2; С. А. Арутюнов, Этническая история Японии на рубеже нашей эры, ТИЭ, т. LXXXIII, М., 1961; его же, Проблемы историко-культурных связей Тихоокеанского бассейна, СЭ, 1964, № 4; Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинее, ТИЭ, т. LXXX, М.—Л., 1962; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук), М., 1964; Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), СЭ, 1967, № 4; В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1959; Р. Ф. Итс Этническая история Юго-Восточной Азии, М., 1972 и др.

¹¹ См., например: В. Ю. Крупянская, Л. П. Потапов, Л. Н. Терентьева, Основные проблемы этнографического изучения народов СССР, СЭ, 1961, № 3; А. И. Першиц, Актуальные проблемы советской этнографии, СЭ, 1964, № 4; В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу, ТИЭ, т. X, М., 1951; «Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв.», ТИЭ, т. XXXI, М., 1956; «Исследования по материальной культуре мордовского народа», ТИЭ, т. LXXXVI, М., 1963; С. Б. Рождественская, Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк, М., 1972, и др.

¹² См., например: А. С. Орлова, Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта, М., 1958; Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., Очерки по истории культуры, ТИЭ, т. LIII, М.—Л., 1960; Г. И. Анохин, О материальной культуре фарерцев, СЭ, 1964, № 6; С. А. Арутюнов, Новые черты в японском женском национальном костюме, СЭ, 1965, № 4; В. С. Стариков, Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967; «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы», М., 1968.

1961 г. Институт выпустил «Историко-этнографический атлас Сибири». В 1967 г. опубликован атлас «Русские». В этом издании, представляющем собой обобщение огромного фактического материала, с помощью картографирования дается характеристика важнейших компонентов материальной культуры (земледелия, жилища, одежды) русского населения Советского Союза. При этом каждый из них показан на картах не статично, а в развитии (с середины XIX до начала XX в.). Таким образом, Атлас позволяет получить четкое представление об основных чертах процесса становления материальной культуры русских в дореволюционный период. Карты (их 75) сопровождаются множеством таблиц и краткими пояснительными статьями. В настоящее время заканчивается работа над составлением первых выпусков аналогичных атласов по другим регионам страны, подготавливаемых на местах при активном участии сотрудников Института этнографии АН СССР.

Что касается традиционных сфер духовной культуры, то внимание этнографов прежде всего привлекает народное художественное творчество, которое они изучают вместе с фольклористами и искусствоведами¹³. Особенно заметно подвинулось этнографическое исследование отдельных форм этого творчества у малых народов СССР.

Как известно, многие специфические черты повседневной жизни того или иного народа нередко обусловлены исповедуемой им религией. Это вызывает необходимость изучения религиозных верований и представлений. Так, заметный вклад внесен в исследование ранних религиозных верований и культов, а также проблем происхождения и классификации религий; продвинулось и изучение религиозных пережитков¹⁴.

В последнее время наметилось некоторое оживление в изучении и такой традиционной этнографической темы, как народные нравы и обычаи, в том числе современные обряды¹⁵.

Особое место в деятельности советских этнографов в послевоенные годы заняла лингвистическая проблематика. Язык — один из существенных компонентов этноса, и, характеризуя этнические общности, этнографы естественно не могут обойтись без данных лингвистики. Между тем языкам бесписьменных в прошлом народов филологи обычно уделяют недостаточное внимание. Именно поэтому в Институте этнографии АН СССР специально занялись изучением языков коренных народов Африки (к югу от Сахары), Америки, Океании. Значительных успехов достигло, в частности, лингвистическое изучение народов Африки, имеющее не только познавательное, но и важное прикладное значение (создание сло-

¹³ См., например: С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., ТИЭ, т. XXII, М.—Л., 1954; его же, Современное искусство народов Сибири (скульптура), СЭ, 1961, № 6; С. И. Вайнштейн, Орнамент в народном искусстве тувинцев, СЭ, 1967, № 2; С. В. Иванов, Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в., Л., 1970. См. также: «Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в.», М., 1965; С. Б. Рождественская, Просечное железо — декоративный элемент жилища рабочих (По материалам Горьковской области), СЭ, 1970, № 3.

¹⁴ Из работ советских этнографов последних лет, см., например: С. А. Токарев, Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.—Л., 1957; И. А. Крывелев, Преодоление религиозно-бытовых пережитков у народов СССР, СЭ, 1961, № 4; Б. И. Шарёвская, Старые и новые религии Тропической и Южной Африки, М., 1964; С. А. Токарев, Ранние формы религии и их развитие, М., 1964; его же, Религия в истории народов мира, М., 1965; Н. Л. Жуковская, Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье, СЭ, 1965, № 6; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969; В. Н. Басилов, Культ святых в исламе, М., 1970; Н. Л. Жуковская, К вопросу о типологическом сходстве явлений в шаманизме и буддизме, СЭ, 1970, № 6; «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», вып. I, М., 1970; «Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества», Улан-Удэ, 1971; И. Р. Григулевич, «Мятежная» церковь в Латинской Америке, М., 1972.

¹⁵ См.: Л. М. Сабурова, Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 годы, СЭ, 1967, № 5; Н. П. Лобачева, О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения), СЭ, 1973, № 4.

варей важнейших африканских языков)¹⁶. В последние годы в связи с расширением изучения языков Африки в других научных учреждениях страны африканисты Института этнографии все более переключаются на собственно этнографические проблемы.

В этнолингвистической проблематике работ Института видное место занимает изучение некоторых древних систем письма. Наиболее значительным, получившим всемирную известность достижением в этой области является дешифровка Ю. В. Кнорозовым письменности майя. Ведется также исследование памятников письменности с острова Пасхи, протоиндийских текстов, относящихся к культуре Хараппы, письменности киданей и чжурдженей¹⁷. В последние годы в Институте началась работа в области этнической ономастики¹⁸, а также по изучению этнолингвистического аспекта современных национальных процессов, протекающих в нашей стране¹⁹.

Значительное развитие в последнее время получили у нас этно-демографические и этно-географические исследования современных народов. В частности, были разработаны методы, позволяющие совместить на картах различные этнические и демографические показатели²⁰. На основе новой методики за сравнительно короткое время этническим картографированием были охвачены все части земного шара²¹. Особенно большое внимание было уделено составлению этнографических карт слабо изученных регионов. Изданы также обобщающая карта «Народы мира» (1961 г.) и «Атлас народов мира» (1964 г.), подводящий итоги многолетних исследований. Особое место среди работ по этнодемографии занимает сводный труд «Численность и расселение народов мира», где дана подробная характеристика национального состава населения всех стран, численности отдельных народов и территории их расселения. В настоящее время ведется подготовка «Атласа населения мира» — крупной обобщающей этно-географической и этно-демографической работы, включающей более 200 карт.

Проводимое Институтом исследование различных историко-этнографических проблем в конечном счете нацелено на создание обобщающих характеристик этнических и этнографических общностей всех таксономических уровней — отдельных народов и их этнографических групп, этнолингвистических общностей и историко-этнографических областей. Этот этнорегиональный подход и положен в основу современной структуры Института, причем, если для выделения подразделений (секторов и отделов) по отечественной этнографии главным ориентиром являются

¹⁶ См.: «Африканский этнографический сборник», I — ТИЭ, т. XXXIV, М., 1956; II — ТИЭ, т. XLIII, М., 1958; III — ТИЭ, т. LII, М., 1959; IV — ТИЭ, т. LXXII, М. — Л., 1962; V — ТИЭ, т. LXXVI, М. — Л., 1963. С 1966 этот сборник выходит под названием «Africa»: VI — ТИЭ, т. XC, М. — Л., 1966; VII — ТИЭ, т. XCIII, Л., 1969; VIII — ТИЭ, т. XCVI, Л., 1971; IX — ТИЭ, т. 100, Л., 1972. См. также «Суахили-русский словарь», М., 1961; «Хауса-русский словарь», М., 1963 и др.

¹⁷ См., например: Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (далее: сб. МАЭ), т. XI, М. — Л., 1949; Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты таблиц с острова Пасхи, сб. МАЭ, т. XI, М. — Л., 1949; Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, СЭ, 1956, № 4; Ю. В. Кнорозов, Письменность индейцев майя, М. — Л., 1963; «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965; «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica», I, II, М., 1972.

¹⁸ См.: «Этнонимы», М., 1970; «Этнография имен», М., 1971.

¹⁹ См., например: М. Н. Губогло, Социально-этнические последствия двуязычия, СЭ, 1972, № 2.

²⁰ П. И. Кушнер (Кнышев), Методы картографирования национального состава населения, СЭ, 1950, № 4; П. Е. Терлецкий, О новом методе этнического картографирования, СЭ, 1953, № 1.

²¹ С. И. Брук, Карта народов Китая, МНР и Кореи, М., 1959; его же, Карта народов Индокитая, М., 1959; его же, Народы Передней Азии (карта), М., 1960; Б. В. Андрианов, Карта народов Африки, М., 1961; М. Я. Берзина, С. И. Брук, Карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин, М., 1962, и др.

этнолингвистические общности и историко-этнографические области, то по зарубежной этнографии — целые континенты.

В отечественной этнографии особое внимание уделяется изучению восточных славян, и прежде всего русского населения нашей страны. Исследованиями украинцев и белорусов занимаются специальные научные учреждения этнографического профиля в Академиях наук СССР и БССР.

В первые же послевоенные годы Институтом были организованы широкие экспедиционные исследования, охватившие южно-русские области, Поволжье, северные и северо-восточные области Европейской части РСФСР, а в последнее десятилетие Сибирь (Западную и Восточную, Алтай, Забайкалье) и Украину.

В результате был создан ряд крупных обобщающих исследований — «Восточнославянский этнографический сборник», том «Народы Европейской части СССР» (в серии «Народы мира») и соответствующие главы в «Очерках общей этнографии», два выпуска историко-этнографического атласа «Русские», посвященные сельскому хозяйству, народному жилищу и одежде. Начата работа совместно с этнографами европейских социалистических стран над томом «Восточные славяне» для трехтомника «Этнография славянских народов». В последние годы опубликован также ряд работ о русском сельском населении Сибири и европейского Севера²².

Параллельно с работами по исторической этнографии ведутся исследования современного быта и культуры как городского, так и сельского населения. Развернулось изучение рабочего класса. В этой связи следует назвать монографию о культуре и быте рабочих горнозаводского Урала в дореволюционное время²³, и написанное коллективом авторов ее продолжение, характеризующее быт и культуру горняков и металлургов Нижнего Тагила в советский период. В течение ряда лет изучались русские города средней полосы РСФСР — Калуга, Елец, Ефремов. Закончена посвященная им специальная монография.

Культуре и быту современной деревни были посвящены уже упоминавшиеся монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем», «Культура и быт колхозников Калининской области», «Кубанские станицы» и др.

Работники Института занимались изучением и других народов Европейской части СССР, главным образом в трех регионах: в Прибалтике, в Поволжье и на Кавказе.

В первые годы после войны этнографическое изучение эстонского, латышского и литовского народов осуществлялось в основном в рамках Прибалтийской комплексной экспедиции. Главное направление ее деятельности, объединявшей археологов и этнографов — исследование этногенеза и этнической истории населения Прибалтики. В связи с разработкой этих проблем был проведен ряд объединенных научных сессий в Москве, Ленинграде и в столицах Прибалтийских республик²⁴. Результаты работы Прибалтийской комплексной экспедиции, в организации которой большая роль принадлежала Х. А. Моора, Г. Ф. Дебецу,

²² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край), ТИЭ, т. 87, М., 1964; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; сб. «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; сб. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. I — «Приангарье», Новосибирск, 1971; см. также 1 и 2 главы по истории и этнографии в кн.: «Русские старожилы Сибири», М., 1973 и сб. «Фольклор и этнография Русского Севера», Л., 1973.

²³ В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук, Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.), М., 1971.

²⁴ Л. Н. Терентьева, Сведения по этнографии народов Советской Прибалтики (27 марта — 1 апреля 1950 г.), СЭ, 1950, № 2; ее же, Конференция по итогам работы комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год, СЭ, 1953, № 2.

Н. Н. Чебоксарову, Л. Н. Терентьевой, зафиксированы в ряде изданий²⁵. Принципиальное значение имеет начатое в это время в Институте исследование культурно-бытовых процессов в Прибалтике²⁶, а также разработка такой ранее не изучавшейся прибалтийскими этнографами темы, как семья и семейный быт²⁷. В 60-е годы значительный вклад во всестороннее этнографическое изучение трех прибалтийских народов был внесен этнографами АН СССР и Прибалтийских республик в ходе подготовки соответствующих глав для второго тома «Народы Европейской части СССР» серии «Народы мира» (1964). В настоящее время сотрудники сектора народов Прибалтики Института этнографии в основном занимаются тематикой, связанной с подготовкой «Историко-этнографического атласа народов Прибалтики». Работа над Атласом, в частности, позволила ликвидировать некоторые пробелы в исследовании таких важных проблем как сельская община и поселения. Более полное освещение получили такие отрасли сельского хозяйства прибалтийского крестьянства, как льноводство и животноводство. Обследования в пограничных районах и районах со смешанным населением дали возможность восполнить пробелы в изучении связей народов Прибалтики со славянскими народами. В процессе работы над Атласом подготовлен сборник²⁸, посвященный вопросам картографирования материальной культуры народов Прибалтики.

При изучении народов Поволжья основное внимание сотрудников Института вначале было сосредоточено главным образом на материальной культуре мордвы, удмуртов, коми. Особо следует отметить деятельность Мордовской историко-этнографической экспедиции под руководством В. Н. Белицер. Итоги работы экспедиции подведены в двух томах ее трудов, освещающих различные аспекты этнической истории мордовского народа²⁹. Вышла в свет работа о народной одежде мордвы. В последние годы в Институте началось исследование современных этно-культурных процессов в Удмуртской и Мордовской АССР, осуществляемое совместно с республиканскими этнографами. В этих исследованиях широко применяются массовые анкетные обследования с использованием математических приемов при обработке информации. Ведется систематическое изучение саамов Кольского полуострова³⁰. В последние годы исследуется роль аборигенного элемента в формировании культуры современного населения Европейского Севера.

Новым направлением в проводимом Институте изучении народов Поволжья являются работы по ономастике этого региона, возглавляемые В. А. Никоновым³¹.

Разносторонние исследования проводились в послевоенные годы и на Кавказе. Для этого весьма сложного по своему этническому составу

²⁵ См.: «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», ТИЭ, т. XXIII, М., 1954; «Балтийский этнографический сборник», ТИЭ, т. XXXII, М., 1956; «Вопросы этнической истории народов Прибалтики (по данным археологии, этнографии и антропологии)», «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. I, М., 1959; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, М., 1959.

²⁶ Л. Н. Терентьева, Колхозное крестьянство Латвии, М., 1960.

²⁷ Сб. «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики», М., 1962.

²⁸ «Сельские поселения Прибалтики», М., 1971.

²⁹ «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Труды Мордовской этнографической экспедиции», I, ТИЭ, т. LXIII, М., 1960; «Исследования по материальной культуре мордовского народа», «Труды Мордовской этнографической экспедиции», II, ТИЭ, т. 86, М., 1963.

³⁰ Т. В. Лукьянченко, Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX — XX в., М., 1971.

³¹ «Ономастика Поволжья», 1, «Материалы I Поволжской конференции по ономастике», Ульяновск, 1960; «Ономастика Поволжья», 2, «Материалы II-й Поволжской конференции по ономастике», Горький, 1971; «Ономастика Поволжья», 3, «Материалы III Поволжской конференции по ономастике», Уфа, 1973.

региона одной из важнейших проблем было изучение этнических и культурно-бытовых процессов, протекавших в условиях развернутого социалистического строительства. Наиболее показательными в этом плане были республики Северного Кавказа, которые даже на фоне многонационального Кавказа отличаются своей чрезвычайной этнической дробностью и своеобразием культурного развития. В 1950 г. в Институте этнографии АН СССР была организована специальная Дагестанская экспедиция, в течение ряда лет совместно с Дагестанским филиалом АН СССР исследовавшая этнические процессы в Дагестанской АССР. Вместе с тем материалы Дагестанской экспедиции позволили дать этнографические описания ряда мелких народностей и этнографических групп этого края; в этнографической литературе до этого о них не было почти никаких сведений³².

Изучение современной культуры и быта народов Северного Кавказа сотрудники Института начали с колхозного крестьянства Адыгейской автономной области³³. Затем было предпринято исследование процесса социалистических преобразований культуры и быта как сельского, так и городского населения всех национальных автономий Северного Кавказа. Результатом этой работы явилась коллективная монография, в которой авторы попытались проследить изменения культуры и быта народов Северного Кавказа за 50 лет Советской власти в связи с общим ходом социалистического строительства в стране и крае³⁴.

Современной жизни Кавказа был также посвящен ряд частных исследований, касающихся преимущественно семьи и семейного быта³⁵.

Современная проблематика занимает одно из ведущих мест в кавказоведении, однако наряду с этим большое внимание уделяется истории общественных форм и институтов, семьи и брака, обычного права, фольклора, религиозных верований и т. д.³⁶. Сохраняя свою актуальность проблемы этногенеза и этнической истории³⁷, комплексное историко-этнографическое исследование отдельных кавказских народов³⁸. В связи с подготовкой Кавказского историко-этнографического атласа особое значение приобретают работы по истории хозяйства и материальной культуре народов Кавказа³⁹.

³² В. К. Гарданов, Работа Дагестанской экспедиции в 1950 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее: КСИЭ), вып. XIV, М., 1952; Л. И. Лавров, Некоторые итоги работ Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг., КСИЭ, вып. XIX, М., 1953; «Народы Дагестана», М., 1955; см. также: В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, «Основные направления этнических процессов у народов СССР», СЭ, 1961, № 4.

³³ «Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области», М.—Л., 1964.

³⁴ «Культура и быт народов Северного Кавказа. 1917—1967», М., 1968.

³⁵ Я. С. Смирнова, Обычаи избегания у адыгейцев и их изживание в советскую эпоху, СЭ, 1961, № 2; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района им. 26 комиссаров, г. Баку), СЭ, 1965, № 5; А. Е. Тер-Саркисянц, Современная семья у армян, М., 1972, и др.

³⁶ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы, М., 1961; В. К. Гарданов, Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX в. СЭ. 1960, № 5; его же, Общественный строй адыгских народов (XVIII—первая половина XIX в.), М., 1967; его же, Аталычество, М., 1973; Я. С. Смирнова, Военная демократия в нарском эпосе, СЭ, 1959, № 6; его же, Аталычество и усыновление у абхазов в XIX—XX в., СЭ, 1951, № 2; Л. И. Лавров, Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, Исследования и материалы по вопросам религиозных верований, ТИЭ, т. 51, М., 1959, и др.

³⁷ Л. И. Лавров, «Обезы» русских летописей, СЭ, 1946, № 4; его же, Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории, СЭ, 1956, № 1; его же, Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I, М., 1966; II, М., 1963; Н. Г. Волкова, Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, М., 1973, и др.

³⁸ Г. А. Сергеева, Арчинцы, М., 1967; Б. А. Калоев, Осетины, М., 1967; 2-е изд., М., 1971, и др.

³⁹ В. П. Кобычев, Жилище народов восточного Закавказья в XIX в., СЭ, 1957, № 3; «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.» (Мате-

Проблемы кавказоведения освещаются в ряде обобщающих трудов. Таковы, например, издаваемые Институтом этнографии АН СССР «Кавказские этнографические сборники»⁴⁰. Большим событием в истории советского кавказоведения был выход в свет в начале 1960-х годов двухтомного труда «Народы Кавказа», подготовленного Институтом этнографии АН СССР совместно с соответствующими институтами академий наук Азербайджана, Грузии и Армении.

В изучении народов Средней Азии большое место занимают этнографические полевые работы. В первое послевоенное десятилетие они велись преимущественно крупными комплексными экспедициями, прежде всего Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, которой в течение многих лет руководил С. П. Толстов, и Киргизской археолого-этнографической экспедицией под руководством Г. Ф. Дебеца (1953—1956 гг.). С конца 50-х годов по настоящее время сбор полевых этнографических материалов в республиках Средней Азии проводится объединенной Среднеазиатской экспедицией⁴¹.

За многие годы участники этих экспедиций обследовали Каракалпакскую, Киргизию, Туркмению, а также ряд областей Узбекистана и Таджикистана, планомерно и детально изучили этнический состав населения, расселение разных его групп. Были составлены историко-этнографические карты этих регионов, снабженные очерками истории формирования их населения и характеристиками этнических структур (родоплеменной состав)⁴², была написана также серия работ, посвященных отдельным этнографическим группам⁴³.

Одна из основных для Института тем историко-этнографического изучения Средней Азии — этногенез и этническая история народов данного региона. Этой теме посвящен ряд крупных монографий⁴⁴.

Непосредственно связана с выявлением историко-этнографических областей и разработкой этногенетических проблем подготовка регионального историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Первый выпуск его, посвященный теме «Хозяйство» (земледелие, ирригация, скотоводство), должен содействовать разработке классификации хозяйственно-культурных типов на материале Средней Азии.

Внимание этнографов привлекают социальные институты народов Средней Азии и Казахстана, в частности, семейно-брачные отношения. В публикациях, увидевших свет в послевоенные годы, детально исследо-

риалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу»), вып. I, М., 1971; Б. А. Калоев, Земледелие горских народов Северного Кавказа, СЭ, 1973, № 3, и др.

⁴⁰ «Кавказский этнографический сборник», I, ТИЭ, т. XXVI, М., 1953; II, ТИЭ, т. XLVI, М., 1958; III, ТИЭ, т. LXXIX, М., 1962; IV, М., 1969; V, ТИЭ, т. 99, М., 1972.

⁴¹ См.: «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952; т. II, III, М., 1958; см. также: «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959; вып. 4, М., 1960; вып. 7, М., 1963; «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959 (содержит материалы научной сессии по этногенезу киргизского народа); т. V, М., 1968 (посвящен прикладному искусству киргизов).

⁴² См.: «Этнографическая карта Каракалпакской АССР» (сост. Т. А. Жданко и Б. В. Андриановым), «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I; «Этническая карта Южной Киргизии» (сост. Я. Р. Винниковым), «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956; «Этническая карта Северной Киргизии» (сост. С. М. Абрамзон и Я. Р. Винниковым), Там же, т. IV, М., 1960; «Этническая карта Ферганской долины» (сост. Я. Р. Винниковым), «Среднеазиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. XLVII, М., 1959.

⁴³ См., например: Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, ТИЭ, т. XXI, М., 1954; Л. Ф. Моногарова, Материалы по этнографии язгулмцев, «Среднеазиатский этнографический сборник», II; Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, СЭ, 1960, № 1; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959; Н. А. Кисляков, Сайробреские таджики, СЭ, 1965, № 2, и др.

⁴⁴ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX—начале XX века, ТИЭ, т. IX, М.—Л., 1950; С. М. Абрамзон, Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971.

ваны формы семьи и брака⁴⁵; вышли несколько трудов, посвященных таким реликтам древних форм общественной организации, как патриархальная семейная община, возрастные классы, мужские союзы⁴⁶. Немалое место уделялось патриархально-феодальным отношениям как у кочевников, так и у оседлого и полuosедлого населения (например, в таких экономически и социально отсталых районах, как восточные бекства бывшего Бухарского ханства)⁴⁷. В тесной связи с пережиточными формами общественной организации исследовались и реликтовые формы идеологии, в особенности остатки доисламских верований⁴⁸. Изучение прикладного искусства народов Средней Азии, которому также были посвящены специальные работы⁴⁹, осуществлялось параллельно анализу той социальной среды, где это искусство создавалось — феодального города (на материалах Бухары и Самарканды), быта городских квартальных общин и организаций ремесленников⁵⁰.

Ведущую роль в работе специалистов по среднеазиатской этнографии играет исследование проблем современности. Уже в первое послевоенное десятилетие были опубликованы два монографических исследования по культуре и быту колхозного крестьянства Таджикистана и Киргизии⁵¹ и несколько статей по быту рабочих Узбекистана и Киргизии.

В последующие годы вышли в свет монографии об узбекском сельском населении, культурно-бытовых и этнических процессах в Туркмении, новом быте памирских таджиков и др.⁵²

Появились работы, посвященные путям формирования материальной культуры народов Средней Азии в условиях социализма⁵³, изменениям в семье, браке и семейном укладе⁵⁴, исследованию соотношения традиционного и нового в семейной обрядности⁵⁵.

⁴⁵ Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, ТИЭ, т. XLIV, М.—Л., 1959; его же, *Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана*, Л., 1969.

⁴⁶ Г. П. Снесарев, *Материалы о первобытно-общинных пережитках в обрядах узбеков Хорезма*, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960; его же, *Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии*, Там же, вып. 7, М., 1963, и др.

⁴⁷ С. М. Абрамзон, *Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; Т. А. Жданко, *Проблемы полuosедлого населения в истории Средней Азии и Казахстана*, СЭ, 1961, № 2; Н. А. Кисляков, *Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в.*, ТИЭ, т. LXXIV, М.—Л., 1962, и др.

⁴⁸ Г. П. Снесарев, *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*, М., 1969; В. Н. Басилов, *Культовые святыни в исламе*, М., 1970, и др.

⁴⁹ «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов», М., 1968; Т. А. Жданко, *Народное орнаментальное искусство каракалпаков*, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III, М., 1958.

⁵⁰ Е. М. Пещерева, *Гончарное производство Средней Азии*, ТИЭ, т. XLII, М.—Л., 1959.

⁵¹ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», ТИЭ, т. XXIV, М.—Л., 1954; «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан», ТИЭ, т. XXXVII, М., 1958.

⁵² «Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969; Г. П. Васильева, *Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане*, М., 1969; Я. Р. Винников, *Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР*, М., 1969; Э. Г. Гафферберг, *Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта*, Л., 1969; Л. Ф. Моногарова, *Преобразования в быту и культуре припамирских народностей*, М., 1972.

⁵³ С. П. Русаякина, *Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР*, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. XLVII, М., 1959, стр. 132—215; А. П. Жилина, *Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР*, сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966; Н. Г. Борозна, *Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирниган*, там же, и др.

⁵⁴ С. М. Абрамзон, *Киргизская семья в эпоху социализма*, СЭ, 1957, № 5; его же, *Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана*, СЭ, 1962, № 3; Г. П. Васильева, Н. А. Кисляков, *Вопросы семьи и быта у народов Средней Азии и Казахстана в период строительства социализма и коммунизма*, СЭ, 1962, № 6, и др.

⁵⁵ Н. П. Лобачева, *О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана)*, СЭ, 1972, № 1.

Значительный интерес представляет исследование преобразований в быту и культуре перешедших к оседлости в годы Советской власти кочевников Средней Азии и Казахстана. Анализ этого опыта особенно актуален для многих развивающихся стран Азии и Африки⁵⁶.

Важное место в научной деятельности Института занимает этнографическое изучение коренных народов Сибири и Крайнего Севера, опирающееся на систематические экспедиционные обследования. Главное внимание при этом уделяется современным этническим и культурно-бытовым процессам. Исследования такого рода имеют не только теоретическое, но и большое практическое значение. В целом ряде работ освещается огромный путь развития, пройденный коренными народами Севера в советский период⁵⁷. Этнографы-сибиреведы создали обобщающий труд «Народы Сибири», а также большое число монографий об отдельных народах⁵⁸. Историко-этнографические монографии о малых народах, не имеющих письменной традиции, особенно актуальны. Только этнографу, располагающему материалами непосредственных полевых наблюдений, под силу путем ретроспективной реконструкции (разумеется, привлекая все источники, в том числе и археологические данные), воссоздать историю таких народов. Большое практическое значение имеют подготовленные этнографами-сибиреоведами научные рекомендации по вопросам переустройства культуры и быта коренных народов Северной Азии.

Заслуживает внимание цикл работ, посвященных этногенезу и этнической истории народов Сибири и Севера. В этих трудах широко использованы как полевые, так и архивные материалы⁵⁹. Систематически исследуется материальная культура, общественный строй⁶⁰ и религиозные верования народов Севера и Сибири⁶¹. Особым направлением является исследование изобразительного искусства, фольклора и народной хореографии⁶².

В послевоенные годы этнографы, изучающие народы зарубежных стран, первоначально занимались преимущественно вопросами этнического состава населения, этногенеза, описанием отдельных компонентов традиционной культуры, а также историей русских зарубежных этнографических экспедиций. Расширению тематических рамок исследований

⁵⁶ С. М. Абрамзон, Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов), ТИЭ, т. 98, Л., 1973; Т. А. Жданко, Номадизм в Средней Азии и Казахстане, в сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968; ее же, Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников), СЭ, 1967, № 4 и др.

⁵⁷ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, ТИЭ, т. XXVII, М.-Л., 1955; «Новая жизнь народов Севера», М., 1967; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера», М., 1971.

⁵⁸ А. А. Попов, Нганасаны, М.-Л., 1948; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953; С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, Историко-этнографические очерки, М., 1961; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965; Л. В. Хомич, Ненцы, Историко-этнографические очерки, Л., 1966; Ч. М. Таксами, Нивхи (Современное хозяйство, культура и быт), Л., 1967; Г. М. Василевич, Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.), Л., 1969 и др.

⁵⁹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960; И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, М., 1966.

⁶⁰ «Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII—начала XX) в.», М., 1970.

⁶¹ Г. М. Василевич, Ранние представления о мире у эвенков (материалы), ТИЭ, т. LI, М., 1959; В. Н. Чернецов, Представления о душе у обских угров, ТИЭ, т. LI, М., 1959; А. В. Смольяк, Магические обряды сохранения жизни детей у народов Нижнего Амура, ТИЭ, т. LXXVIII, М., 1962; С. И. Вайнштейн, Тувинское шаманство, М., 1964; З. П. Соколова, Пережитки религиозных верований у обских угров, сб. МАЭ, XXVII, Л., 1971.

⁶² С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости, М.-Л., 1954; Б. О. Долгих, Мифологические сказки и исторические предания эвцев, М., 1961; М. Я. Жорницкая, Народные танцы Якутии, М., 1966.

немало содействовала подготовка томов для серии «Народы мира». Важное значение имело также начавшееся в конце 50-х гг. проведение полевых исследований в зарубежных странах: сначала — отдельные научные командировки в страны Европы, Азии и Африки, а в последние годы — и экспедиции (в Монголию, Индию, на Кубу, в Океанию). В ходе этой работы большой фактический материал был накоплен, в частности, по зарубежной Азии, Австралии и Океании, который позволяет специалистам по этнографии этих регионов приступить к разработке отдельных проблем этнической и культурной истории народов этих областей. В частности, заметно продвинулась разработка религиоведческих проблем⁶³.

Более конкретный характер приобрели исследования по народам зарубежной Азии: вышли коллективные работы по этнической истории народов Передней Азии, этногенезу турок, корейцев, народов Юго-Восточной Азии и др.⁶⁴

Существенно продвинулось также изучение социальных структур, систем родства и каст⁶⁵. Проанализирован значительный материал по истории материальной культуры и быта, особенно Японии и Китая⁶⁶.

В последние годы изучение народов зарубежной Азии характеризуется заметным усилением внимания к современному этническому проблемам. Эта работа ведется в основном по трем направлениям: современные этнические процессы, этнические судьбы малых народов зарубежной Азии, этнический статус эмигрантов из Азии в других регионах. Вышел в свет коллективный труд о современных этнических процессах в странах Ближнего и Среднего Востока⁶⁷, подготовлены к печати работы об аналогичных процессах в Юго-Восточной и Южной Азии.

Результативным было в послевоенные годы также изучение народов Австралии и Океании. Вышел ряд монографических работ, посвященных изучению этнической истории и традиционной культуры папуасов Новой Гвинеи, этногенеза австралийцев, этнодемографическим проблемам Океании, судьбам ее коренного населения и др.⁶⁸. Важным стимулом для развития в Академии наук этнографических исследований народов Океании явилось участие сотрудников Института этнографии в шестом рейсе

⁶³ Н. Р. Гусева, Джайнизм, М., 1968; С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов, Старые и новые боги Японии, М., 1968; сб. «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», М., 1970; сб. «Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии», М., 1973.

⁶⁴ Сб. «Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии», ТИЭ, т. LXXXIII, М., 1963; Д. Е. Еремеев, Этногенез турок, М., 1971; «Этническая история народов Азии», М., 1972; Р. Ш. Джарылгасинова, Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев), М., 1972; Р. Ф. Итс, Этническая история Юго-Восточной Азии, Л., 1972; Ю. В. Маретин, Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии, «Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. Сб. статей памяти акад. А. А. Губера», М., 1972, и др.

⁶⁵ А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки), ТИЭ, т. LXIX, М., 1961; «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967; М. К. Кудрявцев, Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни), М., 1971; М. В. Крюков, Система родства китайцев (Эволюция и закономерности), М., 1972; М. А. Членов, Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии, В сб. «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

⁶⁶ В. С. Стариков, Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967; С. А. Арутюнов, Современный быт японцев, М., 1968.

⁶⁷ «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», М., 1970.

⁶⁸ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, ТИЭ, т. LXXX, М.-Л., 1962; его же, Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй), М., 1968; В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969; П. И. Пучков, Население Океании. Этногеографический обзор, М., 1967; его же, Формирование населения Меланезии, М., 1968; Д. Д. Тумаркин, Вторжение колонизаторов в «Край вечной весны», М., 1964; его же, Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865, М., 1971, и др.

научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев». Это был первый после Н. Н. Миклухо-Маклая выезд этнографов нашей страны на острова Океании. Участники экспедиции посетили Берег Маклая и зафиксировали перемены, произошедшие здесь за 100 лет со времени пребывания здесь великого русского путешественника⁶⁹.

Исследование Африканской проблематики в Институте этнографии АН СССР можно разделить на несколько этапов, характеризовавшихся различной ориентацией работ. Так, примерно, до середины 50-х гг. африканисты ограничивались, главным образом, характеристикой этнического состава населения⁷⁰ и традиционных социальных институтов⁷¹, а также историей изучения Африканского континента⁷². Важным этапом в развитии советской африканистики явилась подготовка обобщающего труда «Народы Африки», первого тома в серии «Народы мира». Вслед за тем началось исследование африканских языков, о котором уже шла речь выше. Одновременно была начата подготовка свода древних и средневековых источников по этнографии и истории Африки. К настоящему времени вышли в свет два тома «Арабских источников»⁷³, подготовлен третий том; исследованы средневековые китайские сообщения об Африке⁷⁴, осуществляется подготовка тома античных сообщений. Значительное место в работе Института заняло изучение материальной культуры народов Африки на основе африканских фондов МАЭ⁷⁵.

В середине 60-х гг. в связи с переходом части этнографов-африканистов во вновь образованный Институт Африки АН СССР, изучение африканистики в Институте этнографии АН СССР сосредоточилось на проблемах этнолингвистики и источниковедения. Однако в последнее время отчетливо наметилась тенденция к разворачиванию исследований по всему спектру проблем этнографии Африки, включая изучение как современных этнических процессов в африканских странах, так и их традиционных социальных структур⁷⁶. Ряд работ

⁶⁹ См.: Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, СЭ, 1972, № 2.

⁷⁰ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, ТИЭ, т. XXIX, М., 1955; его же, Задачи изучения этнического состава Африки в связи с распадом колониальной системы, СЭ, 1957, № 4; С. Р. Смирнов, Образование и пути развития северосуданской народности, ТИЭ, т. XXXIV, М., 1956; Л. Д. Яблочков, Этнический состав и занятия населения Мозамбика, ТИЭ, т. LXXII, М.—Л., 1962; А. И. Собченко, Этнический состав Конго (Леопольдвиль) в XX в., М., 1964; Р. Н. Исмаилова, Народы Нигерии. Этнический состав и краткая этнографическая характеристика, М., 1963; Б. В. Андрианов, Население Африки (Этностатистический обзор), М., 1964, и др.

⁷¹ Д. А. Ольдерогге, Из истории семьи и брака (система *лобола* и различные виды кузенного брака в Южной Африке), СЭ, 1947, № 1, его же, Система родства баконго в XVII в., ТИЭ, т. LII, М.—Л., 1959; А. С. Орлова, Уровень общественного развития народов Камеруна к началу европейской колонизации Африки, СЭ, 1959, № 5, и др.

⁷² М. В. Райт, Русские экспедиции в Эфиопии в XIX — начале XX в. и их этнографические исследования, М., 1951; ее же, Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — нач. XX в. и их этнографические материалы, ТИЭ, т. XXXIV, М., 1956.

⁷³ «Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары», т. I.—«Арабские источники VII—X вв.», М.—Л., 1960; т. 2.—«Арабские источники X—XII вв.», М.—Л., 1965.

⁷⁴ В. О. Вельгус, О средневековых китайских известиях об Африке и некоторых вопросах их изучения, ТИЭ, т. 90, М.—Л., 1966; его же, Страны Мо-Линь и Бо-са-ло (Лао-бо-са) в средневековых китайских известиях об Африке, Там же.

⁷⁵ А. С. Орлова, Африканские народы. Очерки культуры, хозяйства и быта, М., 1958; Д. А. Ольдерогге, Искусство народов Западной Африки в музеях СССР, Л.—М., 1958; его же, Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры, ТИЭ, т. LIII, М.—Л., 1960; его же, Земледельческие орудия Западного Судана (бамбара и сонгаи, Республика Мали), ТИЭ, т. 90, М.—Л., 1966.

⁷⁶ См.: Д. А. Ольдерогге, О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969; К. П. Калининская, К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла (Эфиопия), СЭ, 1972, № 4; Н. М. Гиренко, Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре, СЭ, 1972, № 5; В. И. Плоткин, Влияние торговли на этническую историю предколониальной Восточной Африки, СЭ, 1973, № 2, и др.

по этой проблематике ведется и сотрудниками Института Африки АН СССР⁷⁷.

В области американистики в Институте этнографии АН СССР в послевоенное время одно из центральных мест заняло изучение этнической истории народов Америки, формирования и развития нации на американском континенте. Первой попыткой обобщенного освещения этой проблематики были два тома, посвященные народам Америки, в серии «Народы мира»⁷⁸.

Этапы возникновения и складывания наций в странах Латинской Америки, этнорасовый и классовый состав их современного населения, экономики и культуры рассматриваются в коллективном труде «Нации Латинской Америки» (1964 г.), а также в серии историко-этнографических очерков, посвященных Кубе, Бразилии, Чили, Эквадору, Колумбии и др.⁷⁹. В последние годы особое внимание уделяется изучению современных национальных процессов в странах Америки. С этим связано изучение проблем иммиграции в страны Америки. Вышли, как уже говорилось, книги о национальных проблемах Канады и США⁸⁰. Подготавливается трехтомный коллективный труд «Национальные процессы в странах Латинской Америки».

Значительное место в деятельности этнографов-американистов отводилось также изучению аборигенного населения Америки, в том числе его традиционной культуры. Помимо уже упоминавшейся дешифровки письменности майя, в этой связи следует отметить сборник «Культура индейцев», несколько монографических исследований⁸¹, а также публикацию коллекций МАЭ по материальной культуре индейцев и эскимосов⁸². Одновременно существенное внимание уделялось изучению на материалах, относящихся к аборигенам Америки, их социальной структуры, путей разложения родового строя, трансформации первобытного общества под воздействием колонизации⁸³.

Одно из важных направлений в работе этнографов-американистов связано с изучением русских источников по этнографии народов Америки⁸⁴. Исследования, проведенные в последние годы, показали, что в

⁷⁷ См., например: Р. Н. Исмагилова, Этнические проблемы современной Тропической Африки, М., 1973.

⁷⁸ «Народы Америки», I, II, М., 1959.

⁷⁹ И. Ф. Хорошаева, Современное индейское население Мексики, в кн. «Американский этнографический сборник», М., 1960; «Куба. Историко-этнографические очерки», М., 1961; «Эквадор. Историко-этнографические очерки», М., 1963; «Бразилия. Экономика. Политика. Культура», М., 1963; «Чили. Политика. Экономика. Культура», М., 1965; «Венесуэла. Экономика. Политика. Культура», М., 1967; Э. Л. Нитобург, Похищение жемчужины, Полтора века экспансионистской политики США на Кубе, М., 1968; «Гвиана, Гайана, Французская Гвиана, Суринам», М., 1969; С. А. Гонимонский, Колумбия, М., 1973.

⁸⁰ См., например: Ш. А. Богина, Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865), М., 1965; М. Я. Берзина, Формирование этнического состава населения Канады (этностатистическое исследование), М., 1971; Л. Н. Фурсова, Этнический состав и расселение послевоенных иммигрантов Канады, «Расы и народы. Ежегодник», I, М., 1971.

⁸¹ См., например: «Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру», М., 1963; «Культура Чили», М., 1968; Р. В. Кинжалов, Культура древних майя, Л., 1971; сб. «Национальные процессы в США», М., 1973.

⁸² «Культура и быт народов Америки», «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 24, Л., 1967.

⁸³ Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, М., 1961; ее же, Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв., М., 1970; Л. А. Файнберг, Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине, М., 1964.

⁸⁴ А. В. Ефимов, Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке, XVII—XVIII вв., М., 1964; егo же, Из истории великих русских географических открытий, М., 1971; С. Г. Фёдорова, Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г., М., 1971; Л. А. Шур, К берегам Нового Света. Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX в., М., 1971.

советских архивах имеются ценнейшие источники, которые еще не использовались в работах по этнографии Америки. Об актуальности и важности исследований и публикаций русских источников свидетельствует и усилившийся в последнее время интерес к таким материалам за рубежом. По инициативе А. В. Ефимова был разработан план публикации серии «Русские источники по этнографии народов Америки», первый том которой уже вышел в свет. Готовятся к изданию «Атлас карт и историко-этнографических зарисовок Аляски и Калифорнии», ведется (совместно с Архивом АН СССР) предварительная работа по подготовке издания документальных материалов экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию.

Интенсивные исследования велись и ведутся по этнографии народов Зарубежной Европы. Впервые в русской этнографии сотрудники Института начали изучать народы промышленно-развитых стран. Это не имеет корней в дореволюционной отечественной этнографии, если не считать большого внимания, которое уделялось славянским народам. Одна из главных научных проблем — изучение этнической истории и современных этнических процессов, особенно в многонациональных государствах. В основных контурах эти проблемы были намечены в двух томах серии «Народы мира» — «Народы Зарубежной Европы», где особое внимание было уделено этнической структуре населения отдельных стран, исторически сложившимся областным, языковым, конфессиональным, культурно-обособленным группам, их разной степени интеграции в составе крупных наций. В дальнейшем характеристика этнических групп стала предметом особого изучения. Вышли, в частности, работы, посвященные отдельным этническим группам⁸⁵. Ведутся исследования этнической истории шотландцев, изучаются исторические провинции Франции и связанные с ними историко-этнографические группы, национальные группы населения Чехословакии, этнические процессы в Югославии, соотношения языковых и культурных границ в Швейцарии и т. д.

Еще одна важная проблема — это выявление общинных традиций у народов Европы. Известно, какое большое значение придавали К. Маркс и Ф. Энгельс открытиям Маурера и Ковалевского в этой области. Советским этнографам удалось во многом продолжить данную линию исследования. Дан анализ сельско-общинной организации у болгар, у сербов, у норвежцев⁸⁶. Детально изучено соотношение территориальных и кровно-родственных общинных форм у албанцев⁸⁷.

Большое научное, а также прикладное значение имеют исследования исторической типологии явлений материальной и духовной культуры. По этой проблематике по народам Зарубежной Европы накопилось много фактического материала, но еще слишком мало обобщений. Из явлений материальной культуры нашими этнографами-европейцами не исследована до сих пор типология крестьянского жилища, — объект весьма сложный, именно в смысле его типологии, — вследствие многофункциональности жилища и разнообразия его параметров (материал, строительная техника, планировка, вертикальное развитие, декор и пр.). Немалым достижением было поэтому появление специального сборника⁸⁸, где сделана попытка исторической типологизации крестьянских построек в европейских странах.

В области духовной культуры народов Европы весьма перспективным оказалось изучение народных календарных обычаев, — чрезвычайно

⁸⁵ «Этнические процессы в странах Зарубежной Европы», М., 1970; Н. А. Красновская, Фриулы (Историко-этнографические очерки), М., 1971.

⁸⁶ См. Л. В. Маркова, Сельская община у болгар в XIX в., ТИЭ, т. II, М., 1960; М. С. Шихарева, Сельская община у сербов в XIX — нач. XX в. Там же; Г. И. Анохин, Общинные традиции норвежского крестьянства, М., 1971.

⁸⁷ См. Ю. В. Иванов, Северная Албания в XIX—XX в., М., 1973.

⁸⁸ «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы», М., 1968.

сложного явления, куда влились элементы самого различного исторического происхождения, от древних магических обрядов и гаданий до современных массовых фестивалей. Первый том намеченной серии недавно вышел из печати⁸⁹. Положено хорошее начало и изучению народного искусства Зарубежной Европы⁹⁰. Особо следует отметить участие наших этнографов-европеистов в разработке проблем карпатоведения, в частности, в изучении современных этнокультурных процессов у национальных меньшинств Прикарпатья и Закарпаття (венгров, румын, словаков)⁹¹. Этнографы-европеисты заняты также разработкой проблем этнографии народов Балканского полуострова, уделяя внимание, главным образом, этническим процессам в этом регионе и истории многообразных общественных институтов⁹².

Освоение обширного историко-этнографического материала настоятельно потребовало от советских этнографов его дальнейшего теоретического осмысления. Не случайно поэтому проблемы теоретической этнографии заняли в послевоенный период особое место в научной жизни Института. Так, для понимания общих закономерностей развития культуры в целом, а также складывания ее специфических черт у отдельных народов и в рамках крупных регионов, большое значение имеет выдвинутая М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей⁹³. Усилилось в последнее время внимание к разработке таких важных для понимания закономерностей культурно-бытовых процессов проблем, как взаимодействие культур, роль преемственности (традиции) и обновления (инновации) в развитии культуры, социальные функции ее традиционно-бытовых компонентов⁹⁴.

Активное участие приняли сотрудники Института в развернувшейся в послевоенные годы разработке теории этноса, в уточнении связанной с этим терминологии. Важную роль здесь сыграли работы П. И. Кушнера⁹⁵. Подготовка многотомной серии «Народы мира» настоятельно потребовали уточнения терминов, обозначающих в обобщенной форме все многообразие этнической структуры мира. В связи с этим широкое распространение получили термины «этнос» и «этническая общность». Не могло не сказаться и общее усиление внимания советских этнографов

⁸⁹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (XIX — начало XX в.). Зимние праздники», М., 1973.

⁹⁰ О. А. Ганцкая, Народное искусство Польши, М., 1970.

⁹¹ И. Н. Гроздова, Этническая специфика венгров Закарпаття, «Карпатский сборник», М., 1972; Н. Н. Грацианская, Современные культурно-бытовые процессы у словаков Закарпаття, Там же; Т. Д. Филимонова, М. Ф. Шун, К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпаття, Там же.

⁹² См., например: «Первый конгресс балканских исследований. Сообщения советской делегации», Л., 1966; Ю. В. Бромлей, М. С. Кашуба, Некоторые аспекты современных этнических процессов в Югославии, СЭ, 1969, № 1; Т. Д. Златковская, Этнические процессы во Фракии во II—I тыс. до н. э., СЭ, 1964, № 5; Л. В. Маркова, Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой, М., 1973 (IX МКАЭН, Чикаго, 1973) и др.

⁹³ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1955, № 4; см. также: Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс, СЭ, 1968, № 2; Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов, СЭ, 1970, № 6; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, СЭ, 1972, № 2.

⁹⁴ С. Н. Артановский, Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, Л., 1967; В. В. Пименов, О некоторых закономерностях в развитии народной культуры, СЭ, 1967, № 2; Л. Е. Кубель, Вопросы развития современной культуры стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности, СЭ, 1970, № 2; С. А. Токарев, К методике этнографического изучения материальной культуры, СЭ, 1970, № 4.

⁹⁵ П. И. Кушнер, Национальное самосознание как этнический определитель, КСИЭ, вып. 8, 1949; его же, Этнические территории и этнические границы, ТИЭ, т. XV, М., 1951, стр. 6.

к проблемам этногенеза и этнической истории, в частности, к современным этническим процессам. Появился ряд специальных статей, а затем и книг, посвященных разработке понятий «этническая общность» и «этнос» и их типологизации⁹⁶. Введение в научный обиход этих терминов представляется тем более важным, что обобщенное наименование соответствующих общностей в большинстве европейских языков чрезвычайно многозначно. Правда, в нашей философской литературе в этих целях нередко применяется такое понятие, как «историческая общность». Однако оно значительно шире рассматриваемой категории и поэтому практически не позволяет отграничить ее от других многочисленных разновидностей исторически сложившихся социальных общностей. Разработка теории этноса позволила четче представить характер этого типа общностей, их иерархичность, сложную внутреннюю структуру и взаимосвязь как с другими социальными явлениями, так и с природной средой. Выявление этнических аспектов национальных процессов немало способствует углубленному изучению этого многогранного феномена. Выработанные в ходе дискуссий представления об этносе как сложной динамической системе вместе с тем имеют важное значение для уточнения предмета этнографической науки и ее соотношения со смежными дисциплинами.

Большое внимание продолжает уделяться этнографическим проблемам первобытной истории, что, как и раньше, объясняется ее особым мировоззренческим значением и не прекращающимися в буржуазной науке попытками противопоставить марксистской концепции первобытного коллективизма новые, якобы противоречащие ей факты. В послевоенные десятилетия этнографы-первобытники накапливают и систематизируют значительный новый материал, свидетельствующий об исторической универсальности первобытнообщинного строя и такой его важнейшей ячейки, как родовая община. Ведется изучение поздних форм родового строя, в частности, патриархального рода и патронимии, широко исследуются типы систем родства, а также большой семьи. В последние годы впервые в истории науки предпринято исследование взаимовлияний классовых обществ; начата работа по изучению конкретных путей и механизмов классовообразования⁹⁷. Сотрудниками институтов этнографии и археологии создан первый вузовский учебник истории первобытного общества⁹⁸, выходящий сейчас повторным расширенным изданием.

Говоря о разработке названных проблем, надо иметь в виду, что многие из них не могут быть пока однозначно решены из-за недостаточности

⁹⁶ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (К методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964; № 11; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, СЭ, 1967, № 4; Ю. В. Бромлей, Этнос и эндогамия, СЭ, 1969, № 6; Л. В. Хомич, О содержании понятия «этнические процессы», СЭ, 1969, № 5; Ю. В. Бромлей, К вопросу о сущности «этноса», «Природа», 1970, № 2; его же, Этнос и этносоциальный организм, «Вестник АН СССР», 1970, № 8; В. И. Козлов, Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности, СЭ, 1970, № 6; Ю. В. Бромлей, К характеристике понятия «этнос», «Расы и народы», I, М., 1971; В. И. Козлов, Что же такое этнос? «Природа», 1971, № 2; К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, СЭ, 1972, № 3; см. также: В. И. Козлов, Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы, М., 1969; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973.

⁹⁷ См., например: «Родовое общество, Этнографические материалы и исследования», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, т. LIV, М.-Л., 1960; «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968; «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972; «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе», Л., 1972; Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, ТИЭ, т. XIV, М., 1951; его же, Кольцевая связь родов или трехродовой союз (gens triplex), КСИЭ, вып. I, М., 1946.

⁹⁸ А. И. Першиц, А. П. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1968.

имеющихся в нашем распоряжении этнографических и археологических источников. Это, естественно, ведет к различной трактовке некоторых фактических данных и определенным расхождениям во взглядах. В опубликованных в последние десятилетия сборниках и на страницах «Советской этнографии» и других гуманитарных журналов прошли оживленные дискуссии о периодизации первобытной истории, периодизации развития брачно-семейных форм, соотношении рода и общины, материнского и отцовского рода, генезиса религии, искусства и т. д. Большинство связанных с этим вопросов все еще остается предметом споров, но важно отметить, что такие споры носят относительно частный характер, так как ведутся в пределах одного — марксистско-ленинского — понимания исторического процесса. В целом же проведенные и проводимые в Институте этнографии исследования не только уточняют наши представления о первобытном коллективизме, но и дают все новые и новые подтверждения незыблемости общей историко-материалистической концепции первобытности.

Значительное развитие в последнее десятилетие получила работа по изучению истории отечественной этнографии: она освещается как в форме общих обзоров, так и отдельных статей⁹⁹. Активизировалось в последние годы и критическое изучение зарубежной литературы этнографического профиля, включая работы по социальной и культурной антропологии, этнологии и т. д. Их анализу посвящен ряд статей, опубликованных в периодических изданиях, и специальные сборники¹⁰⁰.

Нельзя не отметить и борьбу советских этнографов против расизма, пытающегося нередко почерпнуть аргументы не только в антропологических, но и этнографических материалах. Получив заметное развитие еще в предвоенный период, деятельность советских этнографов в данной области вновь активизировалась — опубликован ряд коллективных трудов¹⁰¹. С 1971 г. выходит ежегодник «Расы и народы».

Значительно расширились международные связи советских этнографов. Особенно большое значение в данном отношении имел состоявшийся в 1964 г. в Москве VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Активное участие приняли этнографы — сотрудники АН СССР в VIII и IX Международных конгрессах антропологов и этнографов, которые состоялись в 1968 г. в Токио—Киото и в 1973 г. в Чикаго. Участие в МКАЭН, как и в других международных конгрессах, конференциях и совещаниях, немало способствовало росту международного престижа советской этнографической науки. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют не только многочисленные рецензии зарубежных специалистов¹⁰², но и издание во многих

⁹⁹ См.: С. А. Токарев, История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966; «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I — М., 1956; II — М., 1963; III — М., 1965; IV — М., 1968; V — М., 1971.

¹⁰⁰ «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951; «Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции», М., 1963; «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки», М., 1973.

¹⁰¹ «Против расизма», М., 1966; «Нет расизму», М., 1969; «Народы против расизма», М., 1970; «Документы обличают расизм», М., 1968.

¹⁰² См. например, рецензии на: «Народы Америки», т. 1 (B. R. Edgerton, «American anthropologist», 1959, vol. 61, № 5, pt. 1); «Численность и расселение народов мира» и «Атлас народов мира», (Ch: D. Haggis, «Geogr. review», N.-Y., 1965, vol. 55, № 4); Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области (Е. Dunn, «American anthropologist», 1965, vol. 67, № 4); «Историко-этнографический атлас Сибири», («Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», Bd. 10, Berlin, 1964); «Народы Зарубежной Европы», т. I—II, («Rassegna sovietica», Roma, 1966, anno. 17, № 4); С. А. Токарев, Ранние формы религий и их развитие, (S. P. Dunn, «American anthropologist», 1966, vol. 68, № 1; G. Patsch, «Ethnographische-archäologische Zeitschrift», Berlin, Jg. 8, Hf. 3; H. Suzenko, «Euemer», Warszawa, 1966, № 1; A. Bartelska, «Ethnografia polska», t. 15, z. 2, Wrocław, 1971); Е. А. Алексеенко, Кеты. Историко-этнографический очерк, Л., 1967; (S. Hnen, «Virittaja», Helsinki,

Работа в Академии наук СССР, отмечающей в этом году свой 250-летний юбилей, налагает на этнографов особые обязательства. Их основные усилия и в дальнейшем должны быть направлены на углубленную разработку фундаментальных мировоззренческих и практически значимых проблем этнографической науки.

**THE ANTHROPOLOGICAL AND ETHNOGRAPHICAL MUSEUM OF THE
USSR ACADEMY OF SCIENCES;
TOWARDS THE HISTORY OF
ETHNOGRAPHICAL RESEARCH IN THE USSR ACADEMY OF SCIENCES;
POST-WAR ETHNOGRAPHICAL RESEARCH IN THE USSR ACADEMY OF SCIENCES.**

The articles by T. V. Staniukovich, S. A. Tokarev and Yu. V. Bromley give a survey of the ethnographic activities in the Academy in former times and at present.

The Museum of Anthropology and Ethnography had as its nucleus the «Kunstkammer» (Chamber of rarities) founded in 1714 under Peter I. The Museum was further replenished by collections gathered in the course of the great expeditions organized by the Academy in the XVIIIth century and of Russian round-the world cruises in the early XIXth century. It was in 1836 that these collections were set apart as a special Ethnographical Museum; in 1878 they were amalgamated with anthropological collections into a Museum of Anthropology and Ethnography. The Museum at present possesses rich collections of material and documentary ethnographical objects including unique collections devoted to numerous particular peoples of the world.

For a long time the Academy was the only centre directing ethnographical research (organizing expeditions, publications of material etc.). Beginning with the middle of the XIXth century, other organizations (the Russian Geographical Society and other societies) began to participate in ethnographical investigations in co-operation with the Academy.

1968, № 3, S. 322); С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, Древние культуры азиатских эскимосов, М., 1969, (К. Кюдзо, «Миндзокутаку кэнкю», Токио, 1970, на яп. яз.); О. А. Ганцкая, Народное искусство Польши, (B. J am i s z k i e w i c z, «Lud», Wroclaw-Poznań, 1971, t. 55); «Этнические процессы в странах зарубежной Европы», М., 1970, (E. Horvathova, «Slovenský národopis», Bratislava, 1971, № 4); «Этнонимы», (E. Eichler «Deutsche Literaturzeitung», Berlin, 1971, Hf 9); П. В. Кинжалов, Культура древних майя, (T. Proskouriakoff, «American anthropologist», 1972, № 1—2); «Расы и народы» (P. Pike, «Anthropologia», Paris, 1972, № 1—2, p. 167—170); «Institut d'ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS: Problèmes Théorétiques de l'ethnographie», «Problèmes du monde contemporain», М., 1971, № 3 (10) (Pierre Bonte, «La Pensée», 1973, Octobre, № 171. Spécial ethnologie), и др.

¹⁰³ «Die Völker Afrikas. Ihre Vergangenheit und Gegenwart», Bd. 1—2, Berlin, 1961; «The peoples of Siberia», Chicago-London, 1964; «Народи Југославије», Београд, 1965; Y. Averkieva, Meandros de la etnografía burguesa contemporanea, «Problemas del marxismo», Buenos Aires, 1966, № 2; T. A. Zhdanko, Sédentarisation des nomades d'Asie centrale et du Kazakhstan sous le régime soviétique, «Revue int. du travail», Genève, 1966; S. A. Tokarev, Die Religion in der Geschichte der Völker, Berlin, 1968; N. N. Cheboksarov, Problems of the typology of ethnic units in the works of Soviet scholars «Soviet anthropology and archaeology», N.-Y., 1970, vol. IX, № 2; «The village of Viriatino», An Ethnographic study of a Russian village from before the revolution to the present» N.-Y., 1970; G. P. Snegarev, Remnants of pre-Islamic beliefs and rituals among the Khorezm Uzbeks, «Soviet anthropology and archaeology», vol. X, № 1, N.-Y., 1971, vol. X, № 3, 1971—1972, vol. XI, № 4, 1973; S. I. Bruk, A világ népességének atlasza (A demográfiai és néprajzi kartográfia munkájának fő kérdései), in: «Népi kultúra — népi társadalom», Budapest, 1971, ol. 225—240; L. N. Terentyeva, Az agrár-történeti források jelentősége az etnográfiai kutatásokban, in: «Népi kultúra — népi társadalom», Budapest 1971, ol. 439—450; Y. V. Bromlej, Ethnos and the ethnosocial organism, «Ethnologia Slavica», t. 3, Bratislava, 1972; S. A. Arutjunov, Direction administrative et régime politique des populations autochtones du Nord-Est de l'URSS Autonomie et intégration, dans: «Le Peuple esquimau aujourd'hui et demain», Paris — La Hague, 1973; M. Chlenov, D. Deopik, Toponymy and language (On the problem of differentiating the substratum of geographical place-name areas), in: «Soviet Ethnography and Anthropology», The Hague, Mouton, 1973; S. G. Fedorova, The Russian population in Alaska and California late 18th century — 1867, «Materials for the study of Alaska history», 1973, № 4. Kingston, Ontario, 1973, и др.

Research expanded greatly after the October Revolution when the objectives of ethnographical science in Russia increased in scope; a number of newly organized institutes, commissions, etc. belonging to the Academy became engaged in ethnographical research.

In 1933 an Institute for Anthropology, Archaeology and Ethnography was formed on the base of the Anthropological and Ethnographical Museum named after Peter I. In 1937 this was reorganized; in the course of the reorganisation a special Institute of Ethnography was set up within the USSR Academy of Sciences. This Institute became our country's chief research centre in the field of ethnography.

The postwar years saw a great expansion of ethnographic research in the Soviet Union, as well as a strengthening of its links with the practical activities in the socialist transformation of life and culture. The problems of paramount concern to ethnographers are the following: the ascertainment of the ethnic composition of individual countries and regions; the study of survivals of early social forms amongst various peoples in connection with the development of a general Marxist concept of pre-capitalist social structures; investigation of new social forms in everyday life of the rural and urban population (the transformation of family life etc.); study of various people's cultural traditions, especially those in the field of folk art; research in contemporary processes of ethnic and national evolution (national consolidation and integration etc.) and, in this connection, the theoretical development of the concept of «ethnos», «ethnic community»; criticism of bourgeois ethnographic schools in other countries and the adoption of the best achievements of progressive foreign scientists; ethnogeographical and ethnosociological studies.
